

А. Н. Аненнская

**Жорж Санд. Ее жизнь и литературная
деятельность**

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-94
ББК 63.3-8

А. Н. Аненнская

Жорж Санд. Ее жизнь и литературная деятельность / А. Н. Аненнская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 90 с.

ISBN 978-5-4241-2106-7

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

ISBN 978-5-4241-2106-7

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

А. Н. Анненская
ЖОРЖ САНД.
ЕЕ ЖИЗНЬ И
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Введение

Жорж Санд принадлежит одно из почетнейших мест среди представителей французского романтизма. Ее литературная деятельность обнимает почти столетия. Начало этой деятельности совпадает с расцветом направления, явившегося на смену классического, конец — с торжеством натурализма.

Основной чертой французского романтизма был протест: во внешней форме — протест против псевдоклассицизма, против стеснительных правил поэзии, завещанных «образцовыми» писателями XVII века; во внутреннем содержании — протест против устарелых идей и вековых предрассудков. Этот дух протеста, — протеста во имя права человеческой личности на счастье и свободное развитие, — пронизывает все романы Жорж Санд.

«У Жорж Санд нет ни любви, ни ненависти к привилегированным сословиям, — пишет Белинский, разбирая один из ее романов, — нет ни благоговения, ни презрения к низшим слоям общества; для нее не существуют ни аристократы, ни плебеи; для нее существует только человек, — и она находит человека во всех сословиях, во всех слоях общества, любит его, сострадает ему, гордится им и плачет о нем. Но женщина и ее отношения к обществу, столь мало оправдываемые разумом, столь много основывающиеся на предании, предрассудках, эгоизме мужчин, — эта женщина наиболее вдохновляет поэтическую фантазию Жорж Санд и возвышает до пафоса благородную энергию ее негодования к легитимированной насилем невежества лжи, ее живую симпатию к угнетенной предрассудками истине. Жорж Санд есть адвокат женщины, как Шиллер был адвокатом человечества».

Женщина представлялась ей страдающей под двойным гнетом и общественных предрассудков, и семейного деспотизма. Она не видела для нее возможности какой-либо общественной деятельности, активной борьбы против существующего зла, и главным мотивом, исчерпывающим всю ее жизнь, ставила любовь.

Любови Жорж Санд придает особое, идеальное значение. Любовь, по ее понятиям, не просто чувственная страсть, физическое стремление одного пола к другому, она заключает в себе божественную сущность, она тождественна вдохновению, религиозному экстазу. Поэтому она должна быть свободна, не может подчиняться никаким стеснениям. В этой независимости заключается ее культурное значение, так как она презирает все общественные предрассудки, уравнивает всех людей, объединяет их во имя высшего идеала. Противиться ей, бороться с нею — значит идти против воли Провидения. Естественным выводом из этого высокого понятия о любви являются все те антисемейные и революционные идеи, все те потрясения общественных устоев, которые приводили в ужас противников Жорж Санд.

Строгие моралисты вопили о безнравственности, о разрушении семьи; в ответ на это Жорж Санд говорила им: «Не нарушение супружеской верности делает женщину безнравственной, а ложь и обман». «Настоящая семья должна быть основана на взаимном уважении и честной искренности, а не на притворстве и лицемерии». «Та любовь, которая нас возвышает, которая внушает нам хорошие мысли и чувства, может быть названа благородной страстью, а та любовь, которая делает нас низкими, эгоистичными и мелочными, есть дурная страсть».

Каждая страсть законна или преступна, смотря по тому, каковы ее последствия, хотя официальное общество, которое нельзя признать верховным судьей над человечеством, часто узаконивает дурную страсть и осуждает хорошую».

Романы Жорж Санд переносят нас в особый мир, где на первом плане стоят уважение к личности, геройское самоотвержение, страстная любовь, а все материальные интересы, все расчеты честолюбия, корыстолюбия и тщеславия представляются чем-то низменным и презренным. Напрасно стали бы мы искать в них точной копии окружающей нас жизни. Жорж Санд в принципе не стремилась к этой точности. «Задача художника, — говорит она, — состоит в том, чтобы возбудить любовь к предметам, которые он изображает, и я не ставлю ему в вину, если он их несколько приукрасит. Искусство не есть изучение данной действительности, а искание идеальной правды».

Это искание правды, это стремление к идеалу составляют характерную черту французских романтиков. Окружающая действительность не удовлетворяла их, и они искали спасения в области свободного творчества. Герои их часто ходульны, чувства преувеличены, самый слог подчас напыщен, но идея, лежащая в основе их произведений, всегда заключает в себе нечто благородное, возвышенное. «Дайте романы Жорж Санд в руки юноше или молодой женщине, — говорит Золя, — они их сильно взволнуют: у них останется как бы воспоминание о каком-то очаровательном сновидении, и можно бояться, что после этого действительная жизнь покажется им скучной; они будут выбиты из колеи, готовы на всякие глупости и наивные выходки. Эти книги переносят в мир химер, а ведь в конце концов все-таки приходится роковым образом окунуться в действительность».

Золя прав: после того волшебного мира, который создают романтики-идеалисты, все пошлое, низменное в мире реальном кажется вдвое более пошлым и низким, а примирение с пошлостью вдвое более трудным. Романы Жорж Санд могут нарушить мирное равновесие в душе молодого читателя, возбудить недовольство окружающим строем, протест против установленных традицией правил. С этой точки зрения они представляют действительно опасное чтение, более опасное, чем произведения натуралистической школы, которая никогда не стремится раздвинуть рамки общепринятой морали, возвыситься над обыденными понятиями.

Виктор Гюго ставит себе в заслугу, что в своих произведениях он старался восстановить честь «шута, лакея, каторжника и проститутки». То же гуманное отношение к париям общества мы замечаем и у Жорж Санд. Она видит в каждом из обесславленных и обездоленных жертву печальных либо социальных условий, невежества и предрассудков общества, она умеет найти в нем живую человеческую душу и требует к нему не снисхождения и милосердия, а справедливости и уважения.

ГЛАВА I

Происхождение. — Бабка. — Отец. — Мать. — Взаимные отношения. — Первые годы жизни. — Смерть отца

Псевдоним «Жорж Санд» пользуется такой широкой популярностью и в Европе, и у нас, в России, что настоящее имя писательницы, скрывающейся под ним, не всем известно. Аврора Дюдеван, урожденная Дюпен, происходила, с одной стороны, от кровных аристократов, с другой — от чистых плебеев. Ее отец был внуком известного Мориса Саксонского, побочного сына польского короля Фридриха-Августа, мать — дочь простых парижских рабочих. Эта двойственность происхождения отразилась на воспитании и развитии Авроры, а может быть, и на всем складе ее характера, ее убеждений. Неисправимая идеалистка с тонким артистическим вкусом, она своими симпатиями всегда принадлежала народу, демократии.

Детство и первая молодость Авроры прошли под влиянием бабки ее, незаконной дочери Мориса Саксонского, женщины умной, начитанной, много видавшей и испытавшей на своем веку. Жизнь этой бабки сложилась при довольно исключительных условиях: под покровительством родни отца она получила воспитание в самом аристократическом учебном заведении того времени, в Сен-Сире, и 15-ти лет выдана была замуж за побочного сына Людовика XV, графа Горна, грубого солдата, проникнутого духом казарменной дисциплины. К счастью для жены-ребенка, брак этот был непродолжителен: через год граф был убит на дуэли. Избавившись от мужа, о котором она до конца жизни не могла вспоминать без содрогания, молоденькая графиня освободилась в то же время и от опеки своих высокопоставленных родственников. Она воспользовалась этой свободой, чтобы сблизиться с матерью, известной оперной актрисой Верьер, от которой аристократическая родня всеми силами удаляла ее. Девять лет прожила она под кровом г-жи Верьер, среди шумных светских и литературных развлечений. В салоне знаменитой певицы и звезды полусвета собирались деятели литературы и философы, велись свободные разговоры, подвергавшие беспощадной критике и остроумной насмешке все учреждения, весь строй современного общества. Молоденькая графиня с жадностью прислушивалась к этим разговорам и увлекалась идеями, воплотившимися впоследствии во французскую революцию. Ей минуло 25 лет, когда г-жа Верьер внезапно умерла, и молодая женщина осталась одинокой, без всяких средств к жизни. По понятиям того времени у нее оставалось два выхода — монастырь или новый брак. К монашеской жизни она не имела склонности, и потому с благодарностью приняла предложение богатого сборщика податей Дюпен де Франкеля. Г-ну Дюпену было уже 60 лет; это был добродушный, изысканно любезный щеголь и бонвиван XVIII века. Ни о какой «романтической» любви между супругами не могло быть и речи, но они очень дружно и мирно прожили десять лет, называя друг друга не иначе как «папа» и «дочь моя». В первый же год после свадьбы у г-жи Дюпен родился сын Морис. На этом ребенке молодая женщина сосредоточила весь жар любви, который таился в ее сердце, не находя себе исхода. Она любила Мориса не только с материнской нежностью, но и с какой-то ревнивой страстностью. После смерти мужа, оста-

вишего ей довольно значительное состояние, она поселилась в Париже и посвятила себя исключительно воспитанию сына. В помощники себе она взяла бывшего учителя коллегии Франсуа Дешартра, педанта, несколько узколобого ученого и малоискусного педагога, но человека высоко честного, рыцарски благородного, с самоотвержением привязавшегося и к своему ученику, и к его матери. Вспыхнула Великая французская революция. Г-жа Дюпен, подобно многим своим современникам, не могла примириться с осуществлением на практике тех самых идей, которые она так страстно приветствовала в теории. Кровавые драмы народных восстаний возбуждали ее отвращение. Большая часть ее состояния погибла во время революционных смут; боясь лишиться остального, она купила имение Ноган¹ в Берри, а разные драгоценные вещи замуровала в стене своей парижской квартиры. Но вот Конвент издал декрет, запрещающий гражданам республики утайку драгоценностей; вследствие какого-то доноса у г-жи Дюпен произвели обыск, нашли спрятанные вещи, конфисковали их, а ее посадили в тюрьму. Началось следствие, допросы, квартиру опечатали, чтобы потом произвести в ней вторичный, более тщательный обыск. А между тем там хранились письма, полученные г-жой Дюпен от некоторых эмигрантов, друзей ее молодости. Письма эти могли стоить ей головы. Спасителем ее явился Дешартр. Он пробрался ночью к ее дому, осторожно снял печати с дверей, сжег все компрометирующие документы и затем снова наложил печати. Его помощником в этом опасном предприятии был 15-летний Морис. После этого никаких улик против г-жи Дюпен не оставалось, ее продержали месяцев десять в тюрьме и освободили. Она поспешила оставить Париж и поселилась вместе с сыном и его наставником в своем поместье, в Ногане.

Недолго ей пришлось наслаждаться спокойной жизнью. Начались наполеоновские войны, и Морис не мог усидеть дома. Как только издан был закон о поголовной мобилизации в 1798 году, он поступил в один из армейских полков и принял участие в итальянской кампании.

С беспокойной тоской следила мать за всеми перипетиями военных действий; любимый сын представлялся ее расстроенному воображению то убитым, то раненым, то изнывающим от трудов и лишений лагерной жизни. Молодой энтузиазм и военный пыл, которыми дышали его письма, не радовали ее, а только усиливали ее тревогу. И вдруг — ужасное известие: в битве при Гогенлиндене Морис взят в плен австрийцами и отправлен в Грац! Бедная женщина чуть с ума не сошла от горя и беспокойства. К счастью, плен продолжался недолго: через два месяца Морис получил свободу и возможность вернуться на родину. Но и тут сердце матери не могло успокоиться. Во время итальянского похода молодой человек страстно влюбился в одну красавицу-французенку, любовницу одного из высших офицеров, и в письме к матери сам откровенно признался ей в этой страсти. Мысль, что ее Морис стал жертвой какой-то лагерной искательницы приключений, не давала покоя г-же Дюпен. Каково же было ее негодование и отчаяние, когда вслед за Морисом, приехавшим провести несколько недель в Ногане, в соседний городок Шартр явилась сама красавица и открыто объявила себя его любовницей. Все демократические и либеральные убеждения г-жи Дюпен сразу исчезли, в ней проснулись инстинкты аристократки дореволюционного периода. Она осыпала упреками, чуть ли не проклятиями сына, и для избавления его от гнусной интриганки обратилась к содействию шартрской

администрации. Мэр и один из муниципальных советников города попробовали явиться к красавице с официальным требованием об удалении из города, но она так пленила их своей красотой, грацией и искренним выражением своих чувств, что они перешли на ее сторону. Бедный Морис был между двух огней: с одной стороны, раздраженная мать, так много выстрадавшая из-за него и считавшая себя вправе получить от него вознаграждение за эти страдания, с другой — страстно любящая женщина, бросившая ради него бога того, знатного покровителя. Сердце молодого человека разрывалось. Чтобы выйти из затруднительного положения, он уговорил свою возлюбленную уехать в Париж, обещая вскоре последовать за нею, и сам остался на несколько недель в Ногане, уверяя мать, что навсегда расстался с Софьей. Г-жа Дюпен наполовину поверила ему, и когда он, под предлогом служебных обязанностей, уехал из Ногана, она просила своих друзей тайно следить за его жизнью и из их доносов узнавала, к своему великому огорчению, что любовная связь Мориса не прерывается, а, напротив, укрепляется все сильнее и сильнее.

Софья-Виктория Антуанетта Делаборд была дочерью мелкого парижского ремесленника, сначала державшего маленькое кафе, а потом торговавшего чижками. Рано осталась она сиротой вместе со своей сестрой Люси. Люси зарабатывала себе пропитание шитьем, Софья поступила в какой-то маленький театр и пела в кафе-шантанах. Один раз, в самый разгар террора, она, не отдавая себе отчета, пропела подсунутые ей каким-то аббатом антиреволюционные куплеты, была арестована и посажена в тот самый английский монастырь, превращенный в тюрьму, в котором содержалась г-жа Дюпен. Обе женщины одновременно вышли из заключения, не подозревая о существовании одна другой и о том, что им еще придется сталкиваться на жизненном пути. Подробности последующей парижской жизни Софьи покрыты, что называется, мраком неизвестности; тот генерал, у которого Морис ее встретил, был не первым ее любовником, так как в Париже воспитывалась ее четырехлетняя дочь. Но, полюбив молодого Дюпена, она отдалась ему всем сердцем, без всякого сожаления бросила своего богатого покровителя, отказалась от всякой роскоши, мужественно переносила недостатки его бедной офицерской жизни, была ему верной, преданной женой. В 1804 году, чувствуя, что готовится стать матерью, она согласилась на его желание придать законный вид их связи, и они заключили гражданский брак. Вскоре после этого у них родилась девочка, которую Морис назвал в честь матери Авророй. Это и была будущая знаменитая писательница. Г-жа Дюпен пришла в страшное негодование, узнав, опять-таки от посторонних лиц, об этом решительном шаге сына. Она попыталась даже расторгнуть ненавистный ей брак, но, когда узнала, что это невозможно, принуждена была примириться с фактом. Она приехала в Париж, и тут наконец Морис признался ей во всем. Он явился к ней с девятимесячной Авророй на руках, она растрогалась, лаская красивого ребенка, простила сына и согласилась повидаться с его женой. Личное знакомство ясно показало ей, что Софья вовсе не была той безнравственной интриганкой, какой она ее считала. Чтобы окончательно упрочить мир с сыном, она к ней отнеслась вполне дружелюбно, а Софья, со своей стороны, зная, как муж горячо любит свою мать, как его мучила необходимость обманывать ее, старалась ласками и уступчивостью заслужить расположение свекрови. Через некоторое время отпразднован был церковный брак, и, по-видимому, полный мир водво-

рился в семье.

Г-жа Дюпен возвратилась в Ноган несколько успокоенная за сына, а молодые супруги остались в Париже. Офицерское жалование Мориса было невелико; мать, несмотря на все свое желание, не могла много давать ему. Его положение как адъютанта — сначала генерала Дюпона, а потом Мюрата — требовало значительных обязательных расходов, так что им приходилось вести очень скромную жизнь. Они помещались в маленькой квартирке, не держали прислуги, почти не заводили знакомств.

Маленькая Аврора начала очень рано помнить себя. Отец нежно любил и сильно баловал ее, но он часто бывал в разъездах по делам службы и участвовал в кампаниях 1805–1807 гг., так что почти совсем не мог заниматься ею. Она жила с матерью и старшей сестрой, оставаясь первые годы жизни исключительно под влиянием матери. Софья Дюпен, женщина необразованная, не имевшая понятия ни о каких педагогических теориях, воспитывала девочку без всяких мудрствований так, как ей подсказывал ее материнский инстинкт. Она кормила ее непрехотливыми кушаньями собственного приготовления, одевала так же просто и чисто, как была сама одета, убаюкивала бесхитростными народными песенками, развлекала волшебными сказками, заставляла заучивать и произносить молитвы, в которых девочка не понимала ни слова. Четырех лет Аврора выучилась читать и знала несколько басен Лафонтена. Воображение ее стало развиваться очень рано. Когда ей было года три, чтобы она не мешала матери работать и не напраказила, оставаясь одна в комнате, г-жа Дюпен, уходя в кухню, сажала ее в загородку из стульев, и это маленькое пространство превращалось для малютки в волшебное царство, которое она населяла созданиями своей фантазии. Сидя на низенькой холодной жаровне, заменявшей ей стульчик, она рассказывала сама себе бесконечные сказки, в которых являлись феи, принцы, принцессы, в которых редко случались несчастья, все было светло и радостно.

Аврора неохотно играла со старшей сестрой и соседскими детьми в обыкновенные детские игры; ее любимой подругой была Клотильда, дочь ее тетки Люси, вышедшей замуж за отставного офицера. Маленький домик с садиком в предместье Парижа, где жила тетка, казался Авроре земным раем. В этом раю она вместе с Клотильдой изобретала игры, служившие как бы развитием ее сказок и открывавшие широкое поле ее фантазии. Девочки скакали на стульях, как на бешеных конях, изображали битвы, забрасывая пол лоскутьями и обломками игрушек; жалкие кустики сада представлялись им дремучими лесами, по которым они путешествовали, в которых они терялись и подвергались разным опасностям; преследуя друг друга, они, дрожа от страха, прятались за занавесью кровати и увлекались так, что доходили до настоящих галлюцинаций. Когда голоса старших возвращали их к действительности, они долго не могли прийти в себя и вспомнить, где они.

В 1808 году Морис Дюпен как адъютант Мюрата должен был принять участие в испанском походе. Непрерывные отлучки любимого мужа надоели Софье, которая к тому же была сильно ревнива, и, несмотря на свою беременность, она решила отправиться к нему в Мадрид, оставив старшую дочь на попечение сестры и взяв с собой младшую — Аврору. Путешествие по стране, опустошенной войной и враждебно настроенной против французов, представляло большие трудности; тем не менее они благополучно добрались до Мадрида, и маленькой

Авроре показалось, что она перенеслась в волшебный мир своих сказок. Французский главнокомандующий и его свита поселились во дворце, покинутом королевской фамилией, девочка бегала по раззолоченным залам и великолепным террасам, играла игрушками, оставленными королевскими детьми, танцевала болеро перед громадными зеркалами, одевалась то испанкой, то маленьким офицером, считала Мюрата, поразившего ее блеском своего парадного мундира, сказочным героем, принцем Фанфаринетом.

Два месяца прожили они в этой роскошной обстановке; в это время у Софьи родился мальчик, слабенький и слепой, а раздражение испанцев против французов возросло до такой степени, что дальнейшее пребывание в Мадриде грозило серьезной опасностью. Мюрат получил новое назначение: он должен был отправиться в Неаполь и занять там вакантный престол. Морис отпросился в отпуск, решив провести вместе с семьей несколько недель в Ногане. Обратный путь из Испании представлял целый ряд мучений. Путешественникам приходилось проезжать мимо полей сражений, покрытых ранеными и убитыми, по опустошенным полям, полуразрушенным городам и выжженным деревням; они страдали от жары, от голода и жажды; у Авроры сделалась сильнейшая лихорадка и чесотка, новорожденный был еле жив. Ноган показался им земным раем после всех злоключений дороги. Благодаря разумному и нежному уходу бабушки Аврора через несколько дней совершенно оправилась, но мальчик вскоре умер. Эта смерть сильно огорчила и Софью, и ее мужа, но семью ждало новое несчастье. Морис поехал в гости к знакомым на очень горячей лошади, подаренной ему принцем Астурийским. На обратном пути лошадь чего-то испугалась, сбросила его на груды камней, и он расшибся до смерти.

ГЛАВА II

Семейные несогласия. — Воспитание. — Игры. — Товарищи. — «Корамбе». — Мечты. — Горести

Общее горе на время сблизило старую и молодую Дюпен, но сближение между двумя столь несходными натурами не могло быть прочным. По словам Жорж Санд, они представляли «два крайних полюса женского типа. Одна — белокурая, серьезная, спокойная, настоящая саксонка благородной расы, с манерами, исполненными достоинства и благосклонного покровительства; другая — брюнетка, бледная, пылкая, неловкая и робкая в светской гостиной, но всегда готовая на меткое словцо, когда смешная претензия возбуждала ее сарказм, на бурную вспышку, когда ее чувство было затронуто; натура испанки — ревнивая, страстная, вспыльчивая и слабая, злая и добрая в одно и то же время». Старая г-жа Дюпен принадлежала к образованнейшим и начитаннейшим женщинам своего времени, высоко ценила умственное развитие, разделяла философские воззрения энциклопедистов, на религию смотрела с точки зрения Вольтера, своего любимого писателя. Софья была женщиной совершенно необразованной, но в высшей степени талантливой. Самоучкой, не имея никакого понятия о грамматике, она выучилась правильно писать, очень недурно рисовала, прелестно пела, была мастерица на всякие ручные работы. Никогда не задумывалась она ни над религиозными, ни над социальными вопросами; она была верующей непосредственно, по-детски, без всякой примеси ханжества, и демократка по понятиям, унаследованным от семьи, при витым обстановкой ранней молодости.

Г-жа Дюпен любила спокойную, правильную, однообразную жизнь и уединение Ногана, — уединение, прерываемое лишь изредка посещениями ее старых аристократических друзей, обломков дореволюционной Франции; Софья вечно жаждала перемен, движения, обожала Париж с его постоянной сутолокой, осыпала едкими сарказмами «старых графинь». К этой противоположности инстинктов и стремлений, которая сама по себе неизбежно должна была вызывать столкновения, присоединилась еще борьба обеих женщин за обладание сердцем сначала Мориса, потом маленькой Авроры. Обе они сильно любили девочку, но проявления этой любви были совершенно различны. Софья относилась к ребенку со своей обычной страстностью и непосредственностью. Она нежно ласкала ее, старалась доставлять ей всякие удовольствия, входила в ее детские интересы и — сама во многих отношениях ребенок — без всякой предвзятости восхищалась вместе с нею и красивым цветком, и нарядной выставкой в окне магазина, и каким-нибудь игрушечным гротом из блестящих камешков. Скептицизм Парижа не разрушил в ней наивных верований женщины из народа, и она не спешила разрушать иллюзии, какие создавало пылкое воображение девочки, не спешила разубеждать ее в существовании разных фей, гениев, рождественского старика, приносящего детям подарки, и т. п. Но, с другой стороны, вспыльчивая и раздражительная, она не стеснялась в проявлении и этих чувств. Когда какая-нибудь детская шалость, непослушание или каприз Авроры возбуждали ее гнев, она кричала на девочку, осыпала ее бранью и упреками, а иногда очень больно била. Успокоившись через несколько минут и спохватившись, что зашла слишком да-